

Искусство

Выставка Бурчак Бинголь «Миф и Утопия». Черепки и Гербарий о пост-террор ситуации в художественной жизни Стамбула.

Настасья Пилецкая 15.27.09 апреля 2017 © 216

Галерея Зильбермана, расположенная в одной из бывших квартир старинных Египетских апартаментов, находится в самом центре города, неподалеку от площади Таксим. Некогда популярного туристического центра Стамбула.

После террористической атаки год назад, уменьшения туристического потока и закрытия крупных общественных институций, один за другим отсюда ушли торговые марки и международные сети кофе и ресторанов. Сегодня здесь не слышно привычного звонка ретро-трамвая. Не пахнет жареными каштанами весенний воздух. Истикляль напоминает сразу обо всех местных восстаниях: от погромов 55-го, до протестов «Окупай Гези» в 2013-м. Единственным поводом оказаться здесь, становится выставка «Миф и Утопия» Бурчак Бинголь, актуальной турецкой художницы, работающей с керамикой, чьи произведения находятся, в том числе, в коллекции музея Метрополитен (Нью-Йорк).

Особенностью современного турецкого искусства является то, что художники успешно используют рукоделие в своих практиках, и Бурчак Бинголь является в этой области одной из первых. Она получила полное высшее образование (включая магистратуру и докторантуру) по специальности «Керамика». Проработав некоторое время преподавателем, она в конце концов сконцентрировалась на переосмыслении османского керамического художественного наследия и полностью посвятила себя практике. Для Османской империи керамика и изразцы всегда являлись важной составляющей культурного кода. Сам материал пережил со сменой эпох увлекательную историю становления от декоративного материала султанских покоев и мечетей до утверждения в роли главного туристического экспортного сокровища.

Бурчак, увлеченная неоднозначными возможностями керамического материала, его хрупкостью, выбрала для себя искажение формы как способ ее репрезентации: керамические сосуды в ее проектах разбиты, лишены традиционной формы, не до конца обожжены и лишь частично покрыты глазурью. Буквально — изуродованы.

Март 2017 года. Пробираюсь через раскуроченную ремонтom улицу Истикляль. Из полумрака парадной, мягко отворив стеклянную дверь, я вступаю в пространство галереи. Выставка условно разделена на два зала. Сразу при входе я вижу трехчастную инсталляцию «Если бы слово должно было бы представлять предмет, 2017».

Слева направо изучаю: в раме под стеклом прорисованное тонко, словно иглой, изображение розы. На белом фоне миниатюрные подробности цветка одновременно отсылают зрителя к средневековой османской миниатюре и султанским портретам европейской кисти XV века, в которых роза была важным религиозным символом. В центре трехчастной композиции, на небольшой полке с помощью горсти необожженной глины закреплен миниатюрный розовый побег. Цветок на фоне агрессивного натурального материала выглядит хрупко, но, в отличие от рисунка, он не укрыт от глаз посетителей стеклом. В правой части триптиха находится каменный брусок продолговатой формы. Он покрыт глянцевой нежно-розовой глазурью, грубо обит с обеих сторон и украшен цветочным аппликацией. Он напоминает сразу и изломанную человеческую плоть, кости и нежные сахарные французские эклеры.

фотография предоставлена Галереей Зильберман

Фотография предоставлена галереей Зильберман

Эта часть выставки отсылает зрителя к произведению пионера концептуально искусства Дж. Кошута «Один и три стула». Таким вступлением художник декларирует «Не ждите на выставке магазинных тарелок и вазочек», становится понятно, что Бинголь будет говорить о современных проблемах, но с помощью средневекового османского языка. Бурчак меняет местами общепринятые понятия и ставит под сомнения законы природы: нуждающееся в защите «живое» тело растений у нее практически брошено на погибельное существование, а мертвая двумерная графика, благодаря стеклянной ограде, получает неоправданный статус «драгоценного».

В качестве перехода от вступительной части выставки к основному залу художник и сама себе куратор Бурчак Бинголь выбирает графическую работу «Сложноцветные, 2016». Османские керамические орнаменты (практически полноценный турецкий торговый знак), которые художница списала с изразцов султанских покоев, известные своей оригинальностью форм и гаммой — в композиции Бинголь теряют свою суть: узоры она дробит, накладывает друг на друга и множит. А классические красный, бирюзовый и синий она заменяет на нехарактерные для османской керамики пятьдесят оттенков серого. То есть снова обезображивает. Однако, не смотря на фактическую деформацию «прекрасного» — в ее работах полностью отсутствует негативизм и подобные пессимистичные настроения. Напротив, в них достаточно поэтичности и непошлой чувственности.

Пространство основного зала Бурчак как куратор декорирует под нужды материала. Ее керамика, превращенная в формы, обретает функционал скульптуры и нуждается в круговом осмотре. Художница помешает в правой части основного выставочного зала большой деревянный стол, грубо сколоченный, неокрашенный, он напоминает сразу и столярный верстак и рабочую археологическую витрину. Кроме того, стол как символ приготовления пищи является частью женского собирательного образа во всем мире. Будучи самым большим выставочным экспонатом в комнате, он привлекает мое внимание первым. С него начинаю обзор. На необработанной поверхности столешницы, на первый взгляд без какой-либо логики, расставлены керамические объекты: бесформенные обломки, глазурированные осколки, копии ваз, раскрашенные булжники.

Предметы напоминают всем известные европейские и османские вазы, правда, слегка «преображенные» художницей: керамика побита, глянец поверхности местами испачкан глиной. Бинголь играет с понятием времени: на столе можно узнать керамику всех культурных эпох, включая античность, средневековье, возрождение, есть даже структуры, напоминающие архитектуру модерна.

Керамика Бинголь хоть и подвержена разрушению и обезображиванию, обладает очень спокойной, даже девичьей цветовой гаммой: на пастельных розовых, светло-серых поверхностях снова подобно аппликации нанесены узоры и цветочные орнаменты.

Словно хирург на операционном столе Бинголь располагает сосуды как осколки истории, а я как сторонний наблюдатель без перчаток и марлевой повязки, не имею возможности поучаствовать в операции, с сожалением изучаю останки.

За спиной раздаётся звук разбитой посуды. Это 40-секундное видео «Осознанный, 2015», в которой художница словно на театральных подмостках сидит за столом. Кулисы в виде цветочных обоев, идентичны орнаменту на ее платье. Из религиозных узоров османских изразцов художница создала пространство и стала его полноправной частью. Будто школьница за партой Бурчак смотрит на меня, я вижу ее растрепанные волосы и голые колени, предмет особой критики сегодняшней происламской власти. Подле ее локтя на краю стола стоит керамический сосуд, резкое движение, секунда и он разбивается вдребезги. Ни одна мышца не дрогнула на лице автора.

Название проекта «Миф и Утопия» Бурчак берет из популярной книги турецкого городского исследователя Экрема Ышина, в которой он рассказывает о быте и урбанистических особенностях Стамбула со времени завоевания в 1453 году и до середины XX века. Бинголь тоже говорит о городе, культуре и его нравах: в видео работе «Память глины, 2017» она снимает с мошенной улицы возле средневековой Галатской башни слепки, а за кадром делится сожалением о том, что власти не разрешили ей это сделать на площади Султанахмет — своеобразном символе современной религиозной реставрации.

Прочие мифы и легенды Стамбула автор воссоздает в виде городского сада эпохи империи, утерянной традиции современного мегаполиса. В засохших мумиях роз и гвоздик, которые Бинголь крепит к полу галереи с помощью все той же глины, я вижу и борьбу молодежи за последний парк в центре современного Стамбула, переросшие в массовые беспорядки, и актуальную общемировую усталость от нескончаемых войн и проблем иммигрантов, и обращение к теме «Райского сада». Засохшие цветы выглядят неправдоподобно хрупко, и автор делится со мной историей как сложно ей было доставить этот художественный гербарий из мастерской: как на переполненной ветром и толпами Истикляль ей пришлось укрывать цветы собственным телом.

Фотграфия предоставлена Галереей Зильберман

Мифология Бинголь выстраивается на рассуждениях о городе и его истории, где автор переживает сильные личные эмоции. Ее мифы обретают вид лирически грустного, чувственного разрушения, в котором звучат осколки разбитого сердца автора, витрин на центральных проспектах города и потерянной истории.

Утопия Бинголь не глобальна, а сиюминутна: на стене галереи она с помощью глины вылепливает гигантские цветы османских керамических узоров «Последний из оставшихся в живых времен Золотого века, 2017». Со временем от тяжести материала, композиции обрушаются, на полу я вижу черепки похожие на те, через которые я перешагивала, поднимаясь на выставку по парадной лестнице столетнего дома, где по слухам лечил зубы сам Ататюрк.

Я с сожалением смотрю на произведения, которые нельзя архивировать — сухие сады и глиняные слепки на стенах, спрашиваю: «Что же будет с этой красотой после завершения проекта?» Бурчак улыбается: «Их не станет».

«Mythos and Utopia» of Istanbul. Burcak Bingol, herbarium and shards in Zilberman gallery.

Zilberman Gallery, located in one of the former Egyptian apartments, situated in the heart of the city, nearby the Taksim Square, previously, the popular touristic center of Istanbul. After the terrorist attack a year ago and therefore smaller number of tourists/foreign visitors, closing of large public institutions, international coffee shops and restaurants as well as world famous trademarks were gone. Today, you cannot hear the familiar bell of the retro tram. The spring air does not smell of roasted chestnuts. Istiklal offers a reminiscence of all the local riots at once: from Istanbul pogrom in 1955 to «Occupy Gezi» in 2013. The only one reason to be here today is the exhibition «Mythos and Utopia» by Burcak Bingol, contemporary Turkish artist, working with ceramics, and whose works are, among others, in the collection of the Metropolitan Museum of Art (New York).

Successful usage of the crafts in their practices is an important feature of the contemporary Turkish art, and Burcak Bingol is one of the first in it. She received a full higher education (including magistracy and doctorate) in "Ceramics". After some Academic experience, she eventually focused on rethinking the Ottoman ceramic heritage and completely devoted herself to its practice. For the Ottoman Empire ceramics and tiles has always been an important part of the cultural code. With the changing of epochs, the material had the fascinating history of formation from the decorative material of the Sultan's chambers and mosques to becoming the main tourist export treasure.

Burcak being involved by ambiguous features of the ceramic as a material, its fragility, choosing the shape distortion as a way of its representing: ceramic vessels in her project are broken, devoid of traditional form, not burn completely and only partially coated with glaze. Literally, they are mutilated.

March 2017. I wade through repaired Istiklal caddesi. Out of the grand staircase shadows I gently open the glass door and step in the space of the gallery. Exhibition is formally divided into two parts. Right at the entrance, I see three-part composition titled «*If the Word Must Represent the Thing, 2017*». From left to right I explore: there is thinly drawn image of a rose in the frame under the glass. On the white background miniature details of the flower at the same time associable with Medieval Ottoman miniature and sultan portraits by European hands of XV century, the time when the rose was an important religious symbol. There is a real miniature rose sprout fixed on a small shelf with handful of unbaked clay in the center of the three-part composition. The flower on the aggressive natural background looks fragile, but, unlike the drawing, it is not defended from the visitors by a glass. On the right side of the triptych, there is a stone block of an oblong form. It is covered with glossy, pale pink glaze, roughly bounded on both sides and decorated with floral appliqué. It reminds me at the same time on a broken human flesh, bones and sugar sweet French éclairs. This part of the exhibition refers to Joseph Kosuth, one of the originators of Conceptual art and his work «One and Three Chairs, 1965». With such an introduction artist declares "Do not expect here classic plates and vases as a souvenir", it becomes clear that Bingol will talk about the modern problems, but in the old Ottoman language. Burcak swaps around all the general concepts and casts doubt upon the laws of nature: "alive" body of a plant that needs protection almost abandoned to perdition, but dead two-dimensional graphics, with its glass fence, receives an unjustified status of "precious."

As a transition from the entrance to the main exhibition room artist and curator Burcak Bingol chooses graphic work «*Composite, 2016*». Ottoman ceramic ornaments (Almost a Turkish trademark), which the artist copied from the tiles of the Sultan's chambers, well known for their unique forms and colors. But in Burcak's composition they lost their nature: she crushes, superimposes and multiplies patterns. And the classic colours scheme of the Ottoman tiles (red, and turquoise and blue) she replaces for uncharacteristic fifty shades of gray. This means, she disfigures ceramics again. However, despite the actual deformation of «beauty» - there is no negativism and similar pessimistic moods in her works. On the contrary, there is enough poetry and subtle sensuality.

The space of the main exposition hall Burcak as a curator decorates for the needs of the material. Her pottery transformed into a form acquires the functionality of sculpture needs a circular inspection. The artist places a large wooden table on the right side of the main exhibition hall. Roughly hewn, unpainted, it reminds me at once a joiner's workbench and an archaeological display case. Moreover, a table as a symbol of cooking is part of the women's collective image that also connected with the concept of altar table. As the largest exhibit in the room, it attracts my attention from the very first minute. So here I start my review. On the untreated surface of the table, at first sight without any logic, ceramic objects are arranged: here are shapeless fragments, shards of glazed, copies of vases, colored stones.

Items resemble all the famous European and Ottoman vases, however, a little "transformed" by the artist: ceramics are beaten; the gloss of the surface is sometimes stained with clay. Bingol plays with the concept of time: ceramics of all cultural epochs can be found on the table, including Antiquity, Middle Ages, Renaissance. There are even structures that resemble the architecture of Modern. Bingol's pottery is susceptible to destruction at the same time has a gently color scheme. There are patterns and floral ornaments again like an appliqué on pastel pink, light gray could be seen.

Like a surgeon on the operating table, Bingol put vessels like shards of history, and I as an outside observer without medical gloves and sterile mask do not have the opportunity to participate in the operation, ruefully study the remains.

I hear the sound of broken dishes behind my back. It's a 40 sec. long video «*Self-Conscious, 2015*», where the artist is sitting at the as if on a theatrical stage. Theatrical curtains in the form of floral wallpaper are identical to the ornament on her dress. From the religious patterns of Ottoman tiles artist created the space and became its full part. Like a schoolgirl at a desk, Burcak is watching me, and I see her disheveled hair and bare knees, the special critic topic of today's pro-Islamic power. There is a ceramic vessel on the edge of the table near her elbow. Abrupt movement, one second and it smash to smithereens. No muscle twitched on the artist's face.

The name of the exposition «Mitos and Utopia» Burcak borrows from the book of Ekrem Isin, a Turkish urban researcher who tells about the life and urban features of Istanbul since the conquest in 1453 and until the middle of the XXth century. Bingol is also talking about the city, culture and the tempers; in the video «*Clay Memory, 2017*» she makes a plaster cast from the old pave near medieval Galata tower. Behind the scenes, she regrets that government did not allow her to do this on Sultanahmet Square – symbol of modern religious restoration.

Other myths and legends of Istanbul artist recreates in the form of the empire time city garden, like lost the tradition of the modern metropolis. In the dried mummies of roses and carnations, which Bingol fastens to the gallery floor by the same clay, I see and fight for the last park in the center of Istanbul that grew into riots and the actual worldwide bodily fatigue from endless wars, refugee problems and an appeal to the "Garden of Eden". The dried flowers look fabulously brittle, and artist shares with me the story how difficult it was to deliver this art herbarium from the studio: how in a crowded with the wind and people Istiklal she had to cover flowers with her own body.

The mythology of Bingol lined up on the discourse about the city and its history, where artist experiences strong personal emotions. Her myth takes the form of lyrically sad, sensual destruction, where I can hear the sound of glass fragments: artist's broken heart, shop windows on the main city street and lost history.

Bingol's Utopia is not global, but up-to-the-minute: on the gallery wall she sculpted giant clay flowers similar to Ottoman ceramic patterns «*The Last Of The Golden Ages To Be Lived, 2017*». By the time compositions crumble by material gravity, I see shards on the floor, similar to those through which I stepped over, going up by old building stairs, where according to rumors Ataturk himself was treating his teeth.

I look with regret at the works, that impossible to archive – dry garden and clay casts on the wall. I ask: «What is going to happened with this beauty after finishing the show? Burcak is smiling: «They will not exist».